

гаетъ къ нему его собственную мѣрку"; но совѣтъ другой выводъ получился бы, „если бы мы изучали его съ точки зрѣнія нашей эпохи, примѣняя къ нему общепринятую мѣрку": тогда „онъ оказался бы величайшимъ изъ современныхъ мыслителей" (стр. 180). Откуда же взялась у автора „точка зрѣнія истины", если она не соответствуетъ доктринамъ „нашей эпохи"? Почему мы должны вѣрить, что Brentano обладаетъ „истиною", а Стюартъ Милль былъ только посредственнымъ софистомъ? Слава Милля имѣетъ свое объясненіе будто бы въ томъ, что „въ темную ночь третьестепенныя звѣзды кажутся звѣздами первой величины" (стр. 187). Милль даетъ будто бы „многочисленные примѣры фокусничества" въ дѣлѣ научнаго разсужденія (стр. 201). Еще сильнѣе достается Спенсеру; его теоріи напоминаютъ фантастическія сказки, которыя „принимаютъ видъ полной истины, и дѣти въ простотѣ сердца вѣрятъ имъ" (стр. 209). Впрочемъ, „теорія эволюціи не имѣетъ даже достоинствъ хорошей сказки. Данныя измѣняются въ ней безъ всякаго повода, эпизоды слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ связи, основанія за нее менѣе вѣроятны, чѣмъ противъ нея. Отъ начала до конца она носитъ характеръ сновидѣнія, мечты... Сновидѣнія эти называются кошмарами. Нашлись люди, повѣрившіе сказкѣ Герберта Спенсера, подобно тому, какъ нынѣ есть люди, вѣрящіе всякимъ сказкамъ и вымысламъ, или какъ въ старину вѣрили въ алхімію и астрологію" (стр. 219). Доктрина Спенсера „не имѣетъ для себя иной опоры, кромѣ произвола, злоупотребленія смысломъ словъ и значеніемъ выраженій"; у него „ошибки, противорѣчія и софизмы становятся до такой степени очевидными, что указаніе ихъ также легко, какъ дѣтская игра" (!) (стр. 244). Авторъ открываетъ „пагубныя пропасти" въ ученіи Спенсера, разрушающемъ будто бы въ самомъ корнѣ силу умственныхъ и нравственныхъ традицій. „Великія вѣрованія народовъ, — говоритъ Brentano въ назиданіе англійскому соціологу, — имѣютъ своимъ источникомъ мощь народныхъ преданій, скрѣпляютъ нравственное состояніе народовъ и служатъ основою величія націй; наоборотъ, ничтожныя вѣрованія школъ проистекаютъ всегда только изъ призраковъ данной минуты, изобличаютъ безсиліе духа и подготавливаютъ умственную анархію" (стр. 251). Очевидно, авторъ боится, что народныя вѣрованія и традиціи пострадаютъ отъ теорій Милля и Спенсера; онъ связываетъ упадокъ націй съ господствомъ тѣхъ или другихъ научныхъ системъ, забывая при этомъ одно маленькое, но весьма существенное обстоятельство: народы, вообще, не читаютъ философскихъ трактатовъ и не могутъ поэтому ни въ какомъ случаѣ увлечься „пагубными пропастями" Спенсера и Милля; а люди, подготовленные къ пониманію этихъ тяжеловѣсныхъ док-